

Образ Пилата в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

В произведениях русских писателей проблема власти и связанной с ней ответственности занимает особое место. Ведь литература является для любого мыслящего и талантливого человека способом высказать свое отношение к действительности и мнение о том, какой она должна быть. Именно поэтому писатели изображают сильных мира сего, причем не всегда в том виде, который был бы удобен и выгоден последним. Власть имущие и их поступки часто противопоставляются различным аспектам общества, в первую очередь, его моральным нормам.

Именно это мы видим, анализируя образ Понтия Пилата, одного из главных героев романа «Мастер и Маргарита». Каким он предстает перед читателем? «В белом плаще с кровавым подбоем» — такова первая фраза, которой автор описывает своего героя, пятого прокуратора Иудеи. И в этой фразе, несмотря на ее краткость, содержится глубокий символический смысл. Однако для того, чтобы сделать какие-либо выводы, следует разобраться, кто же такой — прокуратор. Действие «романа в романе», написанного Мастером, происходит во времена, описанные в Новом Завете. Иудея в то время находилась под властью Римской империи. Прокуратор — так называлась должность наместника Рима в захваченном государстве, по сути, первого человека в Иудее.

Цвета плаща прокуратора символически характеризуют римскую власть. Белый — вот ее господствующий цвет. Он означает величие, а кроме того — чистоту и непогрешимость. Подобными понятиями очень любили прикрываться не только владыки древности, но и более поздних эпох: не зря же Воланд говорил, что за две тысячи лет люди совершенно не изменились. Красный же подбой, то есть подкладка, символизирует как бы оборотную сторону власти. Не случайно же для описания цвета Булгаков выбрал не слово «красный» или «алый», а именно «кровавый». Таким образом, уже первые фразы, описывающие Понтия Пилата, характеризуют власть, которую он представляет, а следовательно, обрисовывают, какой человек может ее воплощать.

Следующей характеристикой прокуратора служит описание его движений: он шел «шаркающей кавалерийской походкой». Эта, казалось бы, незначительная деталь не очень важна, так как свидетельствует, что прокуратор военный человек, солдат. Разумеется, это также накладывает отпечаток на его характер и делает образ более полным, как и не любовь к запаху розового масла и связанные с ним головные боли.

Однако все это — внешние характеристики. Автор дает нам возможность заглянуть в душу своего героя гораздо глубже. Кто же он такой? Действительно, это старый солдат, прошедший войну. Он удостоился своего высокого назначения не за знатность, ведь его мать была дочерью мельника, а значит, простолюдинкой. Свой пост он получил за собственные заслуги, а может быть, и за грехи: недаром он не любит страну, которой вынужден править.

Нет ничего удивительного в том, что этот суровый человек превыше всего ценит преданность. Именно поэтому у него всего одно близкое существо в мире, да и то — не человек. Банга — собака прокуратора, огромный и бесстрашный зверь, бесконечно доверяет своему хозяину: от грозы, единственного, чего боится, пес ищет защиты у прокуратора.

Однако общества собаки может хватать просто человеку, особенно замкнутому, но недостаточно ни командиру, которым был Пилат, ни политику, которым ему пришлось стать. Так или иначе, ему нужны люди преданные, которым можно доверять. Именно поэтому он приблизил к себе кентуриона Марка Крысобоя, с которым вместе прошел войну. Этот человек ценен для прокуратора тем же, чем и собака, — преданностью: ведь однажды Пилат спас ему жизнь. Правда, в момент спасения, в бою, он вряд ли думал

о том, что нашел себе преданного слугу. Тогда это был просто командир, который считал, что жизнь подчиненного достаточно ценна, чтобы ее защищать. Это характеризует Пилата не как политика и даже не как солдата, а как человека.

Марк Крысой, при всей его преданности, был полезен прокуратору только как солдат. Вторым человеком, которого Пилат приблизил к себе, был Афраний, начальник тайной полиции Ершалаима, умный, понимающий начальника с полуслова. В отличие от кентуриона, он не был ничем обязан прокуратору. Наоборот, Пилат сам доверился ему. Это свидетельствует не только о его способности оценивать людей по заслугам, но и о том, как изменился он после встречи с Иешуа Га-Ноцри: ведь до этого он вряд ли доверял людям. Лучше всего Булгаков характеризует его устами Иешуа: «Ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей».

Именно из-за этой оценки, высказанной прямо в глаза, он и заинтересовался Иешуа, которого привели к нему как подсудимого. Прокуратору стал любопытен тот, кто каждого, включая даже его, своего судью, которого в Ершалаиме шепотом называли «свирепым чудовищем», может воспринимать как «добраго человека». Ведь сам он не считал добрым никого. Однако Пилат был достаточно умен и умел понимать чужую точку зрения. Поэтому, убедившись в том, что даже побои не могут изменить мнения его подсудимого, он начал относиться к словам бродячего проповедника с интересом. Этот интерес заставил его задавать подсудимому вопросы, относящиеся не к сути дела, а к философии, которую он проповедовал. И в конце концов Пилат проникся к Иешуа и его взглядам уважением.

Уверовал ли он в Бога, о котором говорил проповедник? Сознательно — нет: ведь он не отрекся, как Левий Матвей, от своего звания, положения и богатства. Даже чудо, которое совершил Иешуа, излечив прокуратора от головной боли, не заставило его изменить религиозные взгляды. Он не отнес свое исцеление к разряду чудес, а предположил, что его подсудимый — «великий врач». Однако еще во время суда в его голове пронеслись мысли, «бессвязные и необыкновенные», о «долженствующем непременно быть бессмертии». Это говорит о том, что, не став приверженцем новой религии, он в душе поверил тому, что говорил подсудимый.

Прокуратор признавал, что в словах Га-Ноцри присутствует определенная доля истины. Его философия многим привлекла Пилата, и он все продолжал и продолжал задавать вопросы, с которыми судьи обычно не обращаются к обвиняемым. И принципы этой философии он усвоил и принял гораздо более полно, чем Левий Матвей, который считал себя учеником Иешуа. Ведь изменившийся, ставший более мудрым прокуратор вполне заслуженно упрекнул бывшего сборщика податей: «Ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил».

Правда, вступая в дискуссию с Иешуа, Пилат знал, что ему ничего не грозило: ведь они говорили по-гречески, на языке, которого не знал никто, кроме них двоих. Задавал бы прокуратор вопросы, если бы это было не так? Возможно, и нет: ведь он был опытным политиком. Следовательно, отлично понимал, что его, наместника Римской империи, не очень-то жалуется местная власть — как светская, в лице царя Ирода, так и религиозная, представленная Священным Синедрионом и его главой, первосвященником Каифой. Он знал, что если только появится возможность, его казнят так же, как собираются казнить Иешуа.

Но несмотря на это, он сделал все возможное, чтобы спасти проповедника. Пилат доказывал, что его вина не велика, что Га-Ноцри — сумасшедший. Как изменилось с момента первой встречи его отношение к Иешуа, можно оценить по приговору: он предложил заменить смертную казнь на «заключение в Касарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора». Простое любопытство, которое испытывал Пилат к этому необычному человеку, сменилось симпатией, и он захотел продолжить общаться с ним, фактически забрав в свою резиденцию. Это подтверждается тем фактом, что позже он предложил то же самое Левию Матвею, которого считал приверженцем так понравившейся ему философии.

Однако сам автор задает вопрос: «Неужели вы... допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?» Несмотря на симпатию, которую Понтий Пилат испытывал к Иешуа Га-Ноцри, и правоту проповедника, которую прокуратор в душе уже понял, ему пришлось объявить ему смертный приговор. Ведь иначе он рисковал лишиться не только своего высокого поста, но и жизни: полнота власти правителя Римской империи сыграла на руку врагам прокуратора. Обвинению в оскорблении императора Пилат не мог не придать значения. А Малый Синедрион отказался помиловать проповедника, отдав предпочтение разбойнику. Пилат был возмущен этим решением, но все же отправил Иешуа на Голгофу. Если бы он не сделал этого, то такая же участь могла ожидать его самого. И прокуратор, сильно изменившийся в результате философских бесед с Га-Ноцри, оказался все же недостаточно сильным, чтобы сознательно пойти против таких опасных и могущественных врагов.

Понтий Пилат полностью осознавал свою вину и готов был искупить ее. Не решившись наяву рискнуть своей карьерой, во сне он видел себя способным на этот шаг. Таким образом он уже тогда понимал, что совершил непростительное преступление. Именно поэтому прежде нелюдимый человек искал симпатии Левия Матвея, предлагая ему деньги или службу. Именно поэтому он организовал убийство Иуды из Кириафа, предавшего Иешуа. Отомстить Ироду и Каифе по-настоящему у него не было возможности, однако маленькую месть он все же себе позволил: кошелек, подброшенный в сад первосвященника, должен был заставить его поволноваться.

Следует ли осуждать Пилата за то, что он оказался слишком слаб, чтобы защитить Иешуа? Ответить на этот вопрос можно по-разному, однако следует учитывать мнение автора. Устами Мастера Булгаков подарил бывшему прокуратору прощение. Почему? Потому что самое страшное наказание Пилат уже перенес: он так и не смог обрести покой, потому что каждую минуту помнил о своем преступлении. Наказала прокуратора его собственная совесть, сделав мучительным то бессмертие, которое пригрезилось Пилату еще во время суда над Иешуа. И никто из тех, кого наместник приблизил к себе, не смог разделить с ним этого наказания. С Пилатом остался только верный пес Банга, остальные были недостаточно близки нелюдимому, одинокому человеку.

А что сам Иешуа, простил ли он Пилата? Несомненно да. И сделал это еще раньше, чем Мастер отпустил на свободу душу своего героя. Он простил того, кто осудил его, когда сказал, что «не винит за то, что у него отняли жизнь», и послал весть о своем прощении в виде сна, в котором он шел вместе с Пилатом по лунному лучу и обещал: «Мы теперь всегда будем вместе». Этот сон подтвердил, что прокуратор наконец осознал, кем был на самом деле «нищий из Эн-Сарида», и попросил его не забывать «сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы». Пятый прокуратор Иудеи поверил в Иешуа, как в Бога.

Сон сбылся, и Пилат уверился, что казненный проповедник не винит его. Правда, произошло это только после того, как прокуратор получил прощение людей.